

ЭССЕ И ПЬЕСЫ

АЛЕКСАНДР СОЛИН

Александр Солин

Эссе и пьесы

«Автор»

2026

Солин А.

Эссе и пьесы / А. Солин — «Автор», 2026

Здесь собраны авторские эссе "И снова Lolita", "Литература и мы", "О трудностях перевода" и две пьесы разных лет. Буду рад, если представленные тексты найдут отклик у взыскательных читателей, причем цвет их мнения не обязательно должен совпадать с цветом изложенных мыслей.

© Солин А., 2026

© Автор, 2026

Александр Солин

Эссе и пьесы

И снова «Лолита»

Все великие книги пишутся не для современников, а для их потомков. «Лолита», безусловно, из их числа. Во-первых, благодаря своему отменному художественному здоровью, а во-вторых, потому что она вне времени. Разумеется, оснований считать так куда больше, и их число прямо пропорционально всем тем исследованиям, которые были и еще будут по ее поводу написаны. Нижеследующие заметки предназначены в первую очередь для тех, кто «Лолиту» никогда не читал и не прочтает. Хотелось бы уберечь их досужий интерес от предвзятого и поверхностного мнения «знатоков», которые в своих суждениях не видят разницы между жизнью и искусством (в данном случае, литературой). Впрочем, есть фильмы с одноименным названием. Беда, однако, в том, что облеченный в видеоряд сюжет – лишь искаженный ответ тех собранных в одном месте сотен тысяч слов, чьим бисером расшита ткань романа.

Осенью этого года «Лолите» исполняется 66 лет. Книга вышла в 1955 году в Париже, где ей сразу же было уготовано судебное запрещение. Немудрено: уж если в то время еще находился под запретом скандальный роман Дэвида Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей», запрещенный в 1928 году всего лишь за описание постельных сцен двух взрослых людей, то роман о сожительстве взрослого мужчины с двенадцатилетней девочкой и вовсе был обречен. Автор прекрасно это понимал и словами своего героя предположил, что «в напечатанном виде эта книга читается, я думаю, только в начале двадцать первого века». Но нет: в США книга на английском вышла в 1958г, а в русском переводе появилась в 1967г. Объявленная в английской прессе «высоколобой порнографией», «Лолита» породила дискуссию о совместимости порнографии и литературы. Разгорелся спор, можно ли художественными средствами и многочисленными мультикультурными ссылками прикрывать скабрёзный характер той или иной истории. Судя по сегодняшней литературе, победили те, кто считал, что можно, и что делать это не обязательно художественно и лучше без аллюзий.

О «Лолите» сказано, кажется, уже все, что только можно сказать. Что только не писали о романе, в чем только не обвиняли его автора! Американцы, например, писали, что более смешной, забавной и сатирической книги они не видали со времен Джонатана Свифта. Им вторили французы: «Лолита и впрямь заразительно смешна, исполнена веселящей стихии». И это еще по-божески. Нет существа злее и кусачее, чем спущенный с цепи литературный критик. Набокова обвиняли в эстетизации похоти, в демонстративной безнравственности, а после 1968 года, когда медицина ввела в оборот термин педофилия «Лолиту» нарекли катехизисом педофилии, а автора обвинили в ее пропаганде и десакрализации семейных ценностей. И это самое нелепое, что можно придумать. Такое может случиться только если предубежденный читатель открывает книгу наугад, читает первое, что ему попадается на глаза («Нет на земле второго такого блаженства как блаженство нежить нимфетку. Оно «вне конкурса», это блаженство, оно принадлежит к другому классу, к другому порядку чувств...») и, придя в негодование, отбрасывает книгу, не удосужившись продолжить чтение. Набокова обвиняли в сочувствии герою и чуть ли не в его оправдании. Но если даже так (хотя авторского сочувствия в романе нет и в помине – автор одолжил герою свой талант, но не душу), то как быть с раскаявшимся разбойником (а Гумберт Гумберт определенно раскаялся), которому распятый Христос гарантировал рай? Ничего удивительного, что в педофилии подозревали и самого автора. Может, потому что слишком буквально восприняли его высказывание: «В сущности, искусство – зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь»? Все эти нападки говорят лишь об одном: своей историей Набоков угодил в самое сердце буржуазной морали («каждый год не меньше

12% взрослых американцев мужского пола... проходит через тот особый опыт, который «Г.Г.» описывает с таким отчаянием»). Отсюда и конвульсии. У советских критиков свой взгляд на роман. Писали, например, что Гумберт противостоит буржуазной пошлости, а общество, в котором один педофил убивает другого, не может считаться здоровым. А вот что писал страдающий грехом инакомыслия лауреат премии имени Набокова Виктор Ерофеев: «Отвергая нормативное представление о женской красоте, Гумберт Гумберт бросает вызов всей эстетике европейской культуры, заявляя о своем неизлечимом эстетическом нонконформизме, выстав- ляет себя изгоем, принявшим форму извращенца. Здесь бунт против системы не только услов- ностей сколько ценностей культуры развит до предела, и вызов культуре, интегрировавшей в себя пошлость в такой степени, что культура превратилась в цивилизацию, подразумевает эмо- циональное обращение к ее девственным началам». Тем самым В.Ерофеев подтвердил акси- ому: инакомыслие – это дефицит глубокомыслия. Отсюда родовые признаки литературного диссидентства – поиски и распространение иносказаний, как составляющей части эзоповского бунта против системы (неважно какой). Это для таких как он сказано Набоковым: «Можно извлечь из «Лолиты» некую символику, только вот я ее туда не вкладывал. Если же люди все- таки проделывают это – что ж, значит им так удобнее». А ведь Набоков, словно предвидя град нападков и вольных истолкований, предварил текст предисловием, в котором, скрывшись под маской доктора философии Джона Рэя, предупреждал: «У меня нет никакого желания прославлять г-на «Г.Г.». Нет сомнения в том, что он отвратителен, что он низок, что он слу- жит ярким примером нравственной проказы... Отчаянная честность, которой трепещет его исповедь, отнюдь не освобождает его от ответственности за дьявольскую изощренность... Как художественное произведение «Лолита» далеко выходит за пределы покаянной исповеди; но гораздо более важным, чем ее научное значение и художественная ценность, мы должны при- знать нравственное ее воздействие на серьезного читателя, ибо этот мучительный анализ еди- ничного случая содержит в себе и общую мораль. «Лолита» должна бы заставить нас всех... с вящей бдительностью и проницательностью предаться делу воспитания более здорового поко- ления в более надежном мире». Не кажется ли вам, что слова эти сегодня еще более актуальны, чем 66 лет назад?

Как бы там ни было, но вскоре роман признали, да так, что нынче о нем говорят, как об одном из лучших романов XX века. Только ли потому что «если роман распустить по нит- кам, разобрать его на части, в нем не отыщется ни одной детали, которую где-нибудь, когда- нибудь не перешеголяли уже писания, лишенные всяких художественных притязаний»? (Ста- нислав Лем, 1962г). А может, потому что как сказал о Набокове Ходасевич «сложностью своего мастерства, уровнем художественной культуры приходится он не по плечу нашей литературной эпохе»? Или по словам английского писателя Э.Бёрджесса, потому что «англоязычный славя- нин поставил перед собой особую задачу – напомнить нам о великолепии нашего языка сильно обедневшего благодаря стараниям пуритан и прагматиков»? Если верить мнению самого Набо- кова (а верить ему, как известно, можно только до определенной степени), он считал «Лолиту» своей лучшей книгой. Среди прочего он писал: «Меня будут помнить благодаря «Лолите» и благодаря моей работе о «Евгении Онегине». Мне кажется, в этом его замечании больше скры- той досады, чем гордости. В самом деле: в широком общественном сознании он автор прежде всего «Лолиты». «Лолита» на слуху, все остальное – нет. Не потому ли, что в ней милый сердцу невзыскательного читателя душок сладострастия, который роднит «Лолиту» с романом Д.Ло- уренса (чувствующего, к слову сказать, природу тоньше, чем людей), в художественном отно- шении с «Лолитой» несопоставимым? Если отвлечься от ее филологического замеса, от всех ее отсылок, намеков, соотношений, словесной эквилибристики и прочей эрудированной мишуры - словом, всего того, что так дорого автору и мало трогает заурядного читателя (а таких, увы, миллионы), останется ярко освещенная сцена, а на ней два человеческих существа, скандально связанные друг к другом силой обстоятельств. Театр превращен в зал судебного заседания, и

зрители в нем – присяжные. Так что же такое «Лолита» - оправдание педофилии или ее ананез, расширение границ любви или вторжение в ее запретные области? И зачем многостраничный роман там, где достаточно полицейского протокола? Извлечем же с книжной полки дело Гумберта Гумберта и станем членами жюри присяжных, чтобы присоединить свой голос к вердикту. Уже шестьдесят шесть лет тянется это дело, и конца ему не видно.

Что бы ни писали о герое, как бы ни унижали, с кем бы ни сравнивали, отстранимся от толкователей и обратимся к тексту, ибо сказано самим Набоковым: «...всегда лучше идти прямо к сути, к тексту, к источнику, к главному – и только потом развивать теории...». А потому сдерживая любезное автору «Лолиты» воображение и не ища правды между строк, в очередной раз обыщем место преступления. Ведь судят его за убийство, не так ли? Все остальное за отсутствием доказательств (а признания подсудимого таковыми не являются) к делу не пришьешь.

Итак, перед нами подсудимый – «весьма утонченный мужчина» сорока лет, с «поразительной, хоть и несколько брутальной мужской красотой». Суд интересуют мотивы преступления, и подсудимый, описывая предшествующие убийству обстоятельства, начинает издали. Отнесемся же к его словам с тем же доверием, как к отпечаткам его пальцев. Все дело, видите ли, в его страсти к двенадцатилетней девочке. «Лолита, - начинает он с места в карьер, - свет моей жизни, огонь моих чресел. Грех мой, душа моя». И тут впору насторожиться. Вот будет смеху, если мотивы убийства окажутся убийственнее самого преступления! Что ж, подождем, пока подсудимый наговорит себе на отдельную статью. Он тем временем продолжает: Лолиты бы не оказалось, если бы он «не полюбил в одно далекое лето одну изначальную девочку» по имени Аннабелла. Когда они познакомились и влюбились друг в друга, ему было 13, ей на несколько месяцев меньше. «Духовное и телесное» сливалось в их любви «в совершенной мере». Счастье их, однако, было мимолетно, и «четыре месяца спустя она умерла от тифа на острове Корфу». «Эта девочка с наглаженными морем ногами и пламенным языком с той поры преследовала меня неотвязно», признается подсудимый и далее спрашивает себя, «не оттуда ли, не из блеска того далекого лета пошла трещина через всю мою жизнь». И затем уже уверенно: «волшебным и роковым образом Лолита началась с Аннабеллы». Если бы еще знать: Лолита – это «врожденное извращение» или «неудовлетворенность того бредового лета»?

Далее следует лишенная потрясений юность и университетские годы в Лондоне и Париже, где он «удовлетворялся платными цыпками». А далее мужание «в лоне нашей цивилизации, которая позволяет мужчине увлекаться девушкой шестнадцатилетней, но не девочкой двенадцатилетней», влечение к каковым он распознал в себе в ходе мужания. Но не к каждой, а к той их особой породе, посредством которой они «обнаруживают истинную свою сущность – сущность не человеческую, а нимфическую (т.е. демонскую)». Их он назвал «нимфетками». Они обладают «неуловимой, переменчивой, душеубийственной, вкрадчивой прелестью». По его теории Аннабелла – нимфетка, «маленький смертоносный демон». В ней было «исходное роковое наваждение». Те, кто понимают толк в нимфетках - нимфолепты. Чтобы быть им «надо быть художником и сумасшедшим, игралищем бесконечных скорбей с пузырьком горячего яда в корне тела и сверхсладострастным пламенем, вечно пылающем в чутком хребте». Почему в хребте? Потому что за эякуляцию отвечает не головной мозг, а спинной. Не удивительно, что его «взрослая жизнь в Европе была чудовищно двойственна». Вовне он по его словам имел «нормальные сношения с земнородными женщинами... внутри же был сжигаем в адской печи сосредоточенной похоти, возбуждаемой во мне каждой встречной нимфеткой». Его влекли не ощущения, «извлекаемые из естественного соития между нормальными большими мужчинами и нормальными большими женщинами», а «проблеск несравненно более пронзительного блаженства». «Мой мир был расщеплен», - заключает он. И это уже серьезно, заметим мы на полях его исповеди, потому что это заявка на врожденное сексуальное расстройство. Во всяком случае, одна из современных психиатрических теорий утверждает: «Существуют два компонента

либидо: платонико-романтический и сексуальный. У людей с нарушенным психосексуальным поведением имеет место их расщепление, которое в норме встречается в небольшой степени у многих». Заметим ради справедливости, что пока заявлена предрасположенность, но не ее последствия. Ведь опасна не склонность, а причиненный ею вред. Правда, подсудимый назвал подобные теории «либидобелибердой». В свое оправдание он говорил себе, что «все зависит от точки зрения и что, в сущности, ничего нет дурного в том, что меня до одури волнуют малолетние девочки». В подтверждение своей неисклительности он приводит исторические примеры – от Вергилия, через Данте и Петрарку до Эдгара По, женившегося, как известно, на тринадцатилетней. Ссылки его, однако, не имеют юридической силы – *comparaison n'est pas raison* (сравнение не есть довод) щегольнем мы по его примеру французским словом и приемом его признания к тревожному сведению: наш «исключительный красавец, со сдержанными движениями, с мягкими темными волосами и как бы пасмурной, но тем более привлекательной осанкой большого тела» пожираем изнутри «адовым снадобьем», которое ученые мужи нарекут через двадцать лет педофилией. Вовлекать образы нимфеток «в свое тайное сладострастие» стало для него делом привычным. Оставалось перейти от грез к делу, а то, что оно того стоило явствует из его встречи с юной парижской проституткой, чье «юное тело еще хранило (вот это-то и было нимфическим эхом, холодком наслаждения, взмывом в чреслах)... что-то детское». «Она оценила дикое глухое желание у меня в глазах... и дала мне укол истинного наслаждения», вспоминает он.

Пытался ли он вырваться из цепких лап нимфолепсии, пробовал ли отделаться от «порочных и опасных порывов»? Ну, разумеется! И потому решил жениться. Среди женщин, у которых «грудь тыквами или грушами» он выбрал молодую, похожую на «бледного уличного подростка» особу с «имперсонацией маленькой девочки». Она «прикидывалась малюткой» и он попался. «Но действительность скоро взяла верх» и вскоре у Гумберта Гумберта «оказалась на руках большая, дебелая, коротконогая, грудастая и совершенно безмозглая баба». Брак его длился четыре года. В 1939 году он развелся и переехал в Америку, где после восьми лет проживания (днем работа, ночью «пытка желаний, бессонница», санаторий, экспедиция в Канаду, снова санаторий) «решил приискать себе деревушку в Новой Англии, или какой-нибудь сонный городок (ильмы, белая церковь), где бы он мог провести литературное лето». Приехав на место и явившись в дом, где намеревался снять комнату, он и встретил ту, что перевернула его жизнь. Этот момент стоит того, чтобы пережить его еще раз вместе с ГГ: «Вот и веранда», пропела моя водительница (мать Лолиты), и затем, без малейшего предупреждения, голубая морская волна вздулась у меня под сердцем, и с камышового коврика на веранде, из круга солнца, полуголая, на коленях, поворачиваясь на коленях ко мне, моя ривьерская любовь внимательно на меня глянула поверх темных очков» Он рассматривает ее «взором молодой памяти» «со священным ужасом и упоением». «Взрыв... дрожь... толчок... страстного узнавания». «Это было то же дитя». Две точки слились в одну, круг замкнулся. «Четверть века с тех пор проживтая мной сузилась, образовала трепещущее острие и исчезла». Прототип опознал в Лолите свое подобие и предоставил ей возможность «полностью его затмить». Лолита - следствие Анна-беллы. Общее между ними – суть их единства. Это то, на чем настаивает герой. Для других все вышесказанное «лишь кривлянья сумасшедшего, попросту любящего *le fruit vert* (зеленый плод)».

Еще раз заметим, что в момент встречи с Лолитой этот «статный мужественный красавец, герой экрана» страдал устойчивой сексуальной девиацией. Это тот пункт, откуда начинается его крестный путь. «О, маленький Herr Doktor, которому было суждено вылечить меня от всех болей!» - восклицает он при виде Лолиты и остается в доме в роли квартиранта. Довольствуясь поначалу лишь одним соседством с нею, он не в силах разобраться в природе своего чувства. Он исподтишка любит ее. «Опьяняющий каштановый запах», «теплое, рыжеваторозовое лицо», «проблеск прелестной гладкой кожи с исподу ляжки», «черные как сажа ресницы ее

бледно-серых, лишенных всякого выражения глаз», «белесый пушок на ее коричневатых членах», «красные губы как облизанный барбарисовый леденец» и так далее. Ее тридцатипятилетнюю мать он называет «старая ехидна», тем самым подтверждая аксиому своей аномалии: между матерью и дочерью педофил всегда выберет дочь. Кстати, вот мнение матери о своей дочери: «Я вижу в ней здорового, крепкого, но удивительно некрасивого подростка». Как поразному взрослые видят ее! Героя сводит с ума двойственная природа девочки: «смесь нежной мечтательной детскости и какой-то жутковатой вульгарности». А в придачу «неизъяснимая, непорочная нежность, проступающая сквозь мускус и мерзость, сквозь смрад и смерть». И «надо всем и несмотря ни на что существует только – Lolita». «Съедаемая глазами всех мальчишек» «она переменчива, она капризна, она угловата, она полна терпкой грации резвого подростка». «Дивная добыча». «Моя жаркая, шелковистая прелесть». Lolita «каждым своим движением... дотрагивалась до самой и чувствительной струны моей низменной плоти», сообщает он. «Боже, какая пытка – этот атласистый отлив за виском, переходящий в ярко русые волосы!» Его тогдашнее состояние: «ужасная, сумасшедшая, смехотворная и жалкая лихорадка». Он ощущает ее «знойный душок, от которого немедленно приходит в движение мужская сила». Глядя на нее, он «собирает в фокус свое вождение», чтобы достигнуть «высшей точки его нищенского блаженства». «Меня мутило от вождения, я страдал от тесноты одежд». Он живет «под постоянным напором невыносимого соблазна». Соблазн и вождение – налицо заурядный, похотливый угар, ставящий его в один ряд не просто с животными, а с примитивными животными.

Но посмотрите, с кем он имеет дело. Во время их воскресной игривой возни он выхватывает у нее журнал с неприличной фотографией, и она, что бы вернуть его, вся наваливается на него. Он ловит ее за кисть, а она, отпрянув, «совершенно запросто» вытягивает ноги через его колени. Все это приводит его в «состояние возбуждения, граничащего с безумием». А далее «тяжесть двух загорелых ног», их «золотое бремя», бездумные, ерзающие движения ее тела, «ее молодая тяжесть, ее бесстыдные невинные бедра и круглый задок» перемещают его «в некую плоскость бытия, где ничто не имело значения, кроме настоя счастья, вскипающего внутри его тела». «... Был желтоватый синяк на ее прелестной нимфетовой ляжке, которую моя волосатая лапа массировала и медленно обхватывала». «Она стала корячиться и извиваться, и запрокинула голову, и прикусила влажно блестящую нижнюю губу... покамест я раздавливал об ее левую ягодицу последнее содрогание самого длительного восторга, когда-либо испытанного существом человеческим или бесовским». «Слава тебе Боже, девчонка ничего не заметила», с облегчением констатирует он и далее: «Я выкрал мед оргазма, не совратив малолетней». «Lolita уцелела, и сам я уцелел». И вот что он сам себе обещает: «... Не взирая на неутолимый жар чувственного позыва, я намерен был, с искреннейшим рвением и предусмотрительностью, оградить чистоту этого двенадцатилетнего ребенка». Другими словами, пока нет сексуальных отношений, нет преступления. Состояние же, в котором он пребывает, его личное дело, каковым оно является для миллионов тайных педофилов.

Но время идет, и в исповеди героя появляется новый мотив. К ее отъезду в лагерь он уже знает, что не может жить без этой девочки. «Я знал, что влюбился в Lolitu навеки». Таким образом, в лексиконе его жизни появляется слово любовь, и он с позиции презренного педофила поднимается до уровня своих знаменитых предшественников. «Полюбил я Lolitu, как Виржинию – По и как Данте свою Беатриче...» Он любил Lolitu «резкогоголосую и блестяще-русую, с подровненными спереди и волнистыми с боков, а сзади локонами свисающими волосами, Lolitu, у которой шейка была такая горячая и липкая, а лексикончик такой вульгарный...». А что же девочка? Она симпатизирует квартиранту. Перед отъездом в лагерь она бросилась из машины обратно в дом «добежала до меня... и вот она уже была в моих объятиях, и ее невинные уста таяли под хищным нажимом темных мужских челюстей».

Лолита уехала в летний лагерь, а ее мать объявила квартиранту о своей к нему любви. Пережив по прочтению ее признания «отвращение», он по зрелому размышлению «стал представлять себе все те ласки, которыми походя мог бы осыпать Лолиту муж ее матери». «Мне бы удалось, - грезил он, - всласть прижаться к ней раза три в день – каждый день. Испарились бы все мои заботы. Я стал бы здоровым человеком». И далее: «Я видел себя дающим сильное снотворное средство и матери, и дочери одновременно, для того чтобы ласкать вторую всю ночь безвозбранно». «Я постарался бы не обрюхатить малютки». Какое извращенное представление о любви и каким простым и доступным видится ему процесс выздоровления! Это то самое расщепление платонико-романтического и сексуального, о котором говорилось выше. Впрочем, болезнь нам и так известна. Вопрос лишь в том, подлежит ли она излечению. И он женился на матери Лолиты, подперев себя мыслью, «что она как бы старшая сестра Лолиты». У его новой жены «тяжелые бедра, округлые колени, роскошная грудь, грубоватая розовая кожа шеи («грубоватая» по сравнению с шелком и медом) и все остальные черты того плачевного и скучного, именуемого «красивая женщина». «Женщина с царственными сосцами и тяжелыми лядвиями» против «обольстительной, голорукой, пушистенькой двенадцатилетней девочки», которая после свадьбы стала его падчерицей, что открывало путь к возможностям совсем другого пошиба. Если бы не ее мамаша, которая задумала удалить Лолиту из дома, обратив тем самым в пыль планы ее новоиспеченного мужа. «Естественнейшим разрешением задачи было бы уничтожить г-жу Гумберт. Но как?» - ломает голову герой, ко всему прочему признаваясь в подготовке еще одного убийства. И такая возможность ему вскоре представляется. Они вдвоем с женой заплывают на середину озера, и всего-то и надо нырнуть, ухватить ее за щиколотку и заставить захлебнуться. «Как просто, не правда ли? – вопрошает герой. – А вот подите же, судари мои, мне было абсолютно невозможно заставить себя это совершить!» Как часто бывает в подобных случаях, в дело вмешался случай (в данном случае несчастный), и через неделю Гейзиха, находясь в сильном душевном волнении, очень удачно попала под колеса автомобиля, где и погибла, прознав перед этим из неосторожно оставленного в столе дневника мужа о его похотливых намерениях в отношении дочери. Середина августа 1947 года. Исполнив печальные формальности, наш белокожий вдовец едет за Лолитой в летний лагерь, предвкушая ночь, как он выражается, «в обществе хрупкого создания, спящего рядом с моим тугостучающим сердцем». И что тут нового? В конце концов, историй сожительства отчимов с падчерицами – пруд пруди.

Начало многообещающее: отъехав от лагеря, девочка стала его задирать, а на его вопрос, почему она думает, что он перестал ею интересоваться, ответила: «Ну, во-первых, ты меня еще не поцеловал». Сам «папаша» рассказывает об этом так: «Не успел автомобиль остановиться, как Лолита так и вплыла в мои объятия», да так, что он «ужасно боялся зайти слишком далеко и заставить ее отпрянуть с испуганным отвращением». Напрасно боялся: девочка обнаруживает знания и демонстрирует замашки, выдающие ее скороспелость. «Моя вульгарная красотка», «угловатая и сказочная и смутно порочная» - величает ее герой. Его манят ее настоянные на «аромате плодовых садов» зачатки порочности, и он ведет себя, как «хитрый, распаленный черт», отлично знающий, что «к девяти часам вечера... она будет спать мертвым сном у него в объятиях». Нет сомнения – она разжигает в герое только похоть. О чем-то большем (о любви, например) речи нет. В гостинице она, налюбовавшись подарками, заранее купленными для нее отчимом, «вкралась в ожидавшие ее объятия, сияющая, размякшая, ласкающая меня взглядом нежных, таинственных, порочных, равнодушных, сумеречных глаз (кстати, вот один из приемов набоковской магии – объединить в одном определении противоположности и наблюдать за их борьбой) - ни дать, ни взять банальнейшая шлюшка. Ибо вот кому подражают нимфетки, пока мы стонем и умираем» - заключает герой. После поцелуя она говорит: «Если уж хочешь знать, ты делаешь не так как надо» и на вопрос как надо, отвечает: «Все в свое время». А теперь представьте двенадцатилетнюю девочку в объятиях сорокалетнего мужчины, целующуюся с

ним по-взрослому, и попробуйте помочь ей спастись от самой себя. Уверен, у вас не получится, ибо это по силам только обществу. Понимает это и герой, когда признается: «Я должен был понять, что Лолита уже оказалась чем-то совершенно отличным от невинной Аннабеллы и что нимфическое зло, дышащее через каждую пору замороженной девочки, которую я готовил для тайного услаждения, сделает тайну несбыточной, а услаждение – смертельным. Я должен был знать (по знакам, которые мне подавало что-то внутри Лолиты – настоящая детская Лолита или некий изможденный ангел за ее спиной), что ничего, кроме терзания и ужаса не принесет ожидаемое блаженство». Далее следует бессонная ночь в одной кровати с беспокойно спящей Лолитой. Он постоянно откладывает *le grand moment* (великий момент), объясняя это так: «Я никогда не был и никогда не мог быть brutальным мерзавцем. Нежная мечтательная область, по которой я брел, была наследием поэтов, а не притоном разбойников. Кабы я добрался до цели, мой восторг был бы весь нег: он бы свелся к внутреннему сторанию, влажный жар которого она едва бы ощутила, даже если бы не спала». И вот признание, которое по мнению подсудимого должно его если не оправдать, то изрядно смягчить вину: «Девственно-холодные госпожи присяжные! Я полагал, что пройдут месяцы, если не годы, прежде чем я посмею открыться маленькой Долорес Гейз; но к шести часам она совсем проснулась, а уже в четверть седьмого стала в прямом смысле моей любовницей. Я сейчас вам скажу что-то очень странное: это она меня совратила». И далее: «Ни следа целомудрия не усмотрел перекошенный наблюдатель в этой хорошенькой, едва сформировавшейся девочке. Для нее чисто механический половой акт был неотъемлемой частью тайного мира подростков, неведомого взрослым». При этом «Лолита считала - и продолжала долго считать – все прикосновения, кроме поцелуя в губы, да простого полового акта либо «слянявой романтикой», либо «патологией».

Итак, момент, когда герой мог молча оставить у швейцара «ключ 342-ой и покинуть в ту же ночь город, страну, материк, полушарие и весь земной шар» упущен, он нарушил данное себе обещание сберечь невинность малютки и вступил с ней в половую связь. Налицо «воплощение долголетней мечты». У его малолетней любовницы «курносое веснушчатое личико» и «тело бессмертного демона в образе маленькой девочки». Он поступил «неосторожно, глупо и подло», и все что ему остается – искать себе оправдания. И он их находит в римском праве, согласно которому «лицо женского пола может вступать в брак в двенадцать лет; позже этот закон был одобрен церковью и до сих пор сохраняется, без особой огласки, в некоторых штатах Америки». Казалось бы, нет причин себя казнить, и он по его словам только следует за природой. Тогда «откуда же этот черный ужас, с которым я не в силах справиться? – вопрошает он себя и далее: - Лишил ли я ее девственности? Милостивые государыни, чуткие госпожи присяжные: я даже не был ее первым любовником!». О том, кто и как ее совратил, она сама рассказала, поедая в постели «пресно-мучнистые бананы, подбитые персики, да весьма вкусные картофельные чипсы». В то же время детская непосредственность в ней прекрасно уживается с расчетливостью: после того как они продолжили путь, она многозначительными выражениями боли доведя героя до ощущения «томительной, мерзкой стесненности», до «холодных пауков» на спине, дала понять, что не прочь обернуть ситуацию в свою пользу. «Кретин! – проговорила она сладко улыбаясь мне. – Гадина! Я была свеженькой маргариткой, и смотри, что ты сделал со мной. Я, собственно, должна была бы вызвать полицию и сказать им, что ты меня изнасиловал. Ах ты, грязный, грязный старик!» Подливая масло в огонь, она жаловалась, «что у нее там внутри все болит, что она не может сидеть, что я разворотил в ней что-то». Трудно сказать, чем бы это закончилось, если бы он не сообщил ей о смерти матери. «В веселом Лепингвиле» он купил ей в утешение множество вещей и далее сообщает: «В тамошней гостинице у нас были отдельные комнаты, но посреди ночи она, рыдая, перешла ко мне и мы тихонько с ней помирились. Ей, понимаете ли, совершенно было не к кому больше пойти».

На этом заканчивается первая часть истории, и вот ее итог: выясняется, что некий эстетствующий выходец из чопорной Европы так же далек в своих чувствах от его знаменитых

предшественников, примером которых он вдохновлялся, как двенадцатилетняя американская девочка от Лауры и Беатриче. Нравы действительно меняются, причем, стремительно. Если Ставрогина из «Бесов» совращение малолетней доводит до самоубийства, а героя «Волшебника» (1939 год) за то же самое настигает, так сказать, кара божья, то в Америке в 1947 году с этим худо-бедно можно жить. Более того, герой признается, что «где-то на дне темного омута я чувствовал вновь клокотание похоти – так чудовищно было влечение, возбуждаемое во мне этой несчастной нимфеткой!». Все это он сообщает нам для того, чтобы «отделить адское от райского в странном, страшном, безумном мире нимфолепсии». Тем более странно, что он видит адское пламя там, где его в 1947 году не видит церковь и римское право. Или греша, он надеется остаться святее папы римского?

«Тогда-то, в августе 1947-го года, - повествует далее герой, - начались наши долгие странствия по Соединенным Штатам», а с ними «ненасытная, беззаконная любовь». Выглядело это так: «Лолита разваливалась, невыносимо желанная, в пурпурном пружинистом кресле или в саду на зеленом шезлонге... и у меня уходили часы на улеживания, угрозы и обещания, покамест я мог уговорить ее мне предоставить на несколько секунд свои пропитанные солнцем молодые прелести в надежном укрытии пятидолларового номера перед тем как дать ей предпринять все то, что предпочитала она моему жалкому блаженству». «Малолетняя наложница», «двенадцатилетняя зазноба», «веснуцатая и вульгарная егоза» - это все она, Лолита. Постепенно герою открывается то, до чего ранее ему не было дела, а именно: ее небогатый внутренний мир, в котором все причуды и незрелые прелести возраста уживались с мещанской обыкновенностью. «Сочетая в себе прямодушие и лукавость, грацию и вульгарность, серую хмурь и розовую прыть, Лолита, когда хотела, могла быть необыкновенно изводящей девчонкой» - жалуется герой. «Ее внутренний облик мне представлялся до противного шаблонным: сладкая, знойная какофония джаза, фольклорные кадрили, мороженое под шоколадно-тянучковым соусом, кинокомедии с песенками, киножурнальчики и так далее – вот очевидные пункты в ее списке любимых вещей». К этому новое беспокойство. «Благодаря, может быть, ежедневной любовной зарядке, она излучала, несмотря на очень детскую наружность, неизъяснимо-томное свечение, приводившее гаражистов, отельных рассыльных, туристов, хамов в роскошных машинах... в состояние припадочной похотливости». Тревожило же то, что «маленькая Лолита отдавала себе полный отчет в этом своем жарком свечении», коим пользовалась всюду, отчего наш герой «прямо из сил выбивался, чтобы доставить Лолите всевозможные удовольствия». «Каким я был вдумчивым другом, каким страстным отцом, каким внимательным педиатром, обслуживавшим все телесные нужды моей полубрюнеточки!» - восклицает герой. Но несмотря на все его старания «чудесному миру, предлагаемому ей, моя дурочка предпочитала пошлейший фильм, приторнейший сироп. Подумать только, что выбирая между сосиской и Гумбертом, она неизменно и беспощадно брала в рот первое», за что получила от него прозвище «ледяная принцесса». И словно оправдываясь: «Я вовсе не стремлюсь создать впечатление, что мне не давалось счастье. Милый читатель должен понять, что странник, обладающий нимфеткой, очарованный и поработанный ею, находится как бы за пределом счастья! Ибо нет на земле второго такого блаженства как блаженство нежить нимфетку. Оно «вне конкурса», это блаженство, оно принадлежит к другому классу, к другому порядку чувств... Невзирая на ее гримасы, невзирая на грубость жизни, опасность, ужасную безнадежность, я все-таки жил на самой глубине избранного мной рая – рая, небеса которого рдели как адское пламя – но все же рая». Таково его представление о счастье, заставившем его забыть обо всем на свете. Он обрел счастье, и теперь его задача – удержать его насколько это возможно. Ведь он «вовсе не преступный сексуальный психопат, позволяющий себе непристойные вольности с ребенком». Подтверждением его благодатного обхождения - случай на природе, когда Лолита после того как все было кончено, всхлипывала у него в объятиях – «благодарная буря рыданий после одного из тех припадков капризного уныния, которые так участились за этот в общем восхи-

тительный год». Возможно, это одна из причин, по которой теперь уже полудевочка-полуженщина не спешила покинуть своего великовозрастного любовника. Был ли у нее выбор? Безусловно – она могла обратиться в полицию и продолжить жизнь в сиротском приюте, но вместо этого выбрала сожительство с мужчиной почти втрое старше ее. На годовщину их сожительства он – «скорее опустошенный, чем окрыленный торжеством страсти, она, пышущая здоровьем, с расстоянием между подвздошными косточками не больше, чем у мальчика» и вроде бы всем довольная, если не придавать значения «ее всхлипываниям ночью – каждой, каждой ночью – как только я притворялся, что сплю». И пусть он считает, что с ней он освободился от своего отроческого наваждения, это не так: перед нами все тот же обладатель «тайно горящих желез», в котором влечение к маленьким девочкам отныне подкреплено сексуальным опытом, отчего их «длинное путешествие... осквернило извилистой полосой слизи прекрасную, доверчивую, мечтательную, огромную страну». Останься он таким до конца романа – и это действительно была бы «высоколобая порнография». Так что же должно произойти, чтобы этого не случилось?

Между тем герой замечает «определенное изменение к худшему в нравственном облике Лолиты». «По мере того, как все человеческое в ней приходило в упадок, – отмечает он, – моя страсть, моя нежность, мои терзания только росли; и этим она начала пользоваться». Например, «хорошо учитывая магию и могущество своего мягкого рта, она ухитрилась ...увеличить премию за эту определенную услугу до трех и даже четырех долларов!» Удручающее и вместе с тем ожидаемое открытие. Одно дело занятия любовью со сверстниками и совсем другое с взрослым мужчиной. В первом случае это свободное волеизлияние, во втором – принуждение, за которое как минимум надо платить. И именно к этому времени относятся два весьма знаменательных признания героя. В первом случае он, увлекаемый от Лолиты некой женщиной для досужей болтовни «оглядывался на свою единственную любовь», о втором он признается так: «Иногда... я... буквально на четвереньках подползал к твоему креслу, моя Лолита» чтобы «уткнуться лицом в твою шотландскую юбочку, моя любимая!» Слова «любовь» и «любимая» как два робких шажка к искуплению, как магический свет, от которого край адских небес его рая подернулся голубовато-пепельным свечением. Герой обнаруживает, что влюблен, а значит, готов ревновать, тем более что поводов к тому предостаточно («ревновал ее к каждому встречному мальчишке»). Поймав ее однажды на лжи, он требует от нее объяснений. Лолита «сидела развалясь, выкусывая заусеницу, следя за мной глумливым взглядом бессердечных, дымчатых глаз... и с приступом тошной боли я увидел ясно, как она переменялась с тех пор, как я с ней познакомился два года тому назад. Где моя нежность к ней? Разрушенный миф! Она находилась прямо в фокусе моего накаленного добела гнева. Мгла вожеления рассеялась, ничего не оставив кроме этой страшной светозарности». Далее следует «отвратительная, нестерпимо-громкая сцена», во время которой Лолита «говорила непечатные вещи. Она кричала, что люто ненавидит меня. Она сказала, что я несколько раз пытался растлить ее в бытность мою жильцом у ее матери. Она выразила уверенность, что я зарезал ее мать. Она заявила, что она отдастся первому мальчишке, который этого захочет...». За этим следует ее велосипедный побег в дождливую мглу, метания героя, поимка беглянки и бурное примирение, во время которого герой демонстрирует способность «лить потоки слез во все продолжение другой бури». Далее следует предшествующий побегу Лолиты, нарастающий шквал подозрений, последняя ссора с первым и последним рукоприкладством, «а затем – раскаяние, пронзительная услада искупительных рыданий, пресмыкание любви, безнадежность чувственного примирения... В бархатной темноте ночи ...я целовал желтоватые подошвы ее длиннопалых ножек – я дошел до последних унижений и жертв... Но это все было ни к чему. Мы оба были обречены. И вскоре мне пришлось перейти в новый круг адских пыток». Пыток любви, а не похоти, заметим мы.

Продолжилось их «фарсовое путешествие». Героя мучают безотчетные подозрения в отношении якобы следующих за ними третьих лиц, которые Лолита в присущем ей шутовском тоне лениво отметаает. Тем не менее, их сексуальное партнерство продолжается. Только сексуальное, ибо ничего другого Лолита дать ему не хочет и не может. Впрочем, это не мешает ей бывать прелестной «и при навевании этих нежных чар (этюды актерского мастерства), и при мечтательном исполнении других волшебных обязанностей». «Но все это было ничто по сравнению с неописуемым зудом наслаждения, который я испытывал от ее теннисной игры – признается герой. – Могу только сказать, что это было дразнящее, бредовое ощущение какого-то повисания на самом краю – нет, не бездны, а неземной гармонии, неземной лучезарности». И далее следует непревзойденное, завораживающее описание Лолиты на корте – описание, которое под силу только несказанно влюбленному поэту. Приглашаем читателей самим в этом убедиться (ч. II, гл. 20). Скажем только, что эстетическое любование субъектом любви способствует возвышению и облагораживанию его. Среди прочего герой в своих мечтах доходит до 2000 года, где он – «ее седой, смиренный, притихший муж, бывший ее тренер, престарелый Гумберт». Притом что она «столь жестокая и коварная в обыденной жизни» он «любил ее безнадежно», и «ей было всего лишь четырнадцать лет». Перед неисповедимостью их отношений он дает себе слово: «Буду, конечно, бороться. Бешено бороться. Лучше все уничтожить, чем от нее отказаться». Что ж, задача не из легких, если вообще разрешимая. О том, в кого превратилась его девочка, свидетельствует сцена у бассейна, в которой Лолита играет с собакой. «Она кидалась туда-сюда в своих ацтеково-красных плавках и бюстгальтерчике, и было что-то восторженное, чуть ли не безумное в ее резвлении, далеко превосходившее простое веселье». За ней наблюдал один из купальщиков («влажные черные волосы – вернее, остатки волос – прилипли к его круглому черепу, усики над красной губой казались мокрой кляксой...») и Лолита, «зная, что он смотрит на нее, наслаждается его похотливым взглядом и напоказ для него скачет и веселится – мерзкая, обожаемая потаскушка!», да так, что герой «со своего места почуял мускус ее возбуждения». Свое потрясение герой описывает так: «Я вдруг сел на траву с совершенно невероятной болью в груди, и меня вырвало потоком каких-то бурых и зеленых веществ, которых, насколько мне помнится, я не ел». Так возвещает о себе грядущая беда. И если по прошествии некоторого времени герой мог уже не думать «о недавних своих конвульсиях на газоне в Чемпионе», то он «никак не мог поладить с другой мукой: знать, что Лолита так близка и вместе с тем так горестно недостижима, и так любить ее, так любить как раз накануне новой эры, когда по моим волховским исчислениям она бы должна была перестать быть нимфеткой, перестать терзать меня...». Вот тут-то она от него и сбежала.

Далее следует «подробное описание последних трех пустых лет, от начала июля 1949 до середины ноября 1952», общее впечатление от которых: «в жизни, на полном лету раскрылась с треском боковая дверь и ворвался рев черной вечности, заглушив захлестом ветра крик одинокой гибели». Отзвуком «крика одинокой гибели» признание героя: «До конца 1949-го года я лелеял, и боготворил, и осквернял поцелуями, слезами и слизью пару ее старых тапочек, ношенную мальчиковую рубашку, потертые ковбойские штаны, смятую школьную кепочку и другие сокровища этого рода». И вот пространное признание, в котором он словно отступает с завоеванных позиций и возвращается на круги своей порочной страсти: «Я был бы плутом, кабы сказал (а читатель – глупцом, кабы поверил), что потрясение, которое я испытал, потеряв Лолиту, навсегда меня излечило от страсти к малолетним девочкам. Лолиту я теперь любил другой любовью, это правда – но проклятая природа моя от этого не может измениться. На площадках для игр, на морских и озерных побережьях мой угрюмый воровской взгляд искал поневоле, не мелькнут ли голые ноги нимфетки...». И вот как видится герою в постдолоресовом настоящем («додолоресовое былое») его порок: «Кто знает, может быть, истинная сущность моего «извращения» зависит не столько от прямого обаяния прозрачной, чистой, юной, запретной, волшебной красоты девочек, сколько от сознания пленительной неуязвимо-

сти положения, при котором бесконечные совершенства заполняют пробел между тем немногим, что дарится, и всем тем, что обещается...». То есть, его «извращение» не есть недостаток его психической конституции – оно опосредствованно несовершенством самого человеческого существования, а стало быть, в той или иной степени присуще всем, хотя и не всеми осознается.

Так продолжается до сентября 1952 года, когда он получает письмо от Лолиты («Я замужем. Я жду ребенка... Я узнала много печали и лишений») и едет к ней в «торговый городишко в восьмистах милях на юг от Нью-Йорка». Находит дом, звонит в дверь. «Порывистое приближение, шарканье, и шум (гуф) распахнувшейся двери». Перед ним новая Лолита: «Выросла дюйма на два. Очки в розовой оправе. По-новому высоко зачесанные волосы, новые уши... Она была откровенно и неимоверно брюхата». «Убить ее, как некоторые ожидали, я, конечно, не мог. Я, видите ли, любил ее. Это была любовь с первого взгляда, с последнего взгляда, с извечного взгляда». В разговоре он узнает имя ее похитителя и то, что тот был «единственный мужчина, которого она безумно любила». «А я – я был, конечно, не в счет?» – спрашивает герой. «В ее бледно-серых глазах, за раскосыми стеклами незнакомых очков, наш бедненький роман был на мгновение отражен, взвешен и отвергнут, как скучный вечер в гостях, как в пасмурный день пикник, на который явились только самые неинтересные люди, как надоевшее упражнение, как корка засохшее грязи, приставшей к ее детству». И вот во что обратилось его либидо, его низкое и гнусное сумасшествие: он глядел на нее, «безнадежно увядающую в семнадцать лет, с этим младенцем в ней... глядел и не мог наглядеться, и знал... что я люблю ее больше всего, что когда-либо видел или мог вообразить на этом свете или мечтал увидеть на том... Вы можете глумиться надо мной и грозить очистить зал суда, но пока мне не вставят кляпа и не придушат меня, я буду вопить о своей бедной правде. Неистово хочу, чтобы весь мир узнал, как я люблю свою Лолиту, эту Лолиту, бледную и оскверненную, с чужим ребенком под сердцем, но все еще сероглазую, все еще с сурьмянистыми ресницами, все еще русую и миндальную, все еще Карменситу, все еще мою, мою... Все равно даже если эти ее глаза потускнеют до рыбьей близорукости и сосцы набухнут и потрескаются, а прелестное, молодое, замшевое устье осквернят и разорвут роды – даже тогда я все еще буду с ума сходить от нежности при одном виде твоего дорогого, осунувшегося лица, при одном звуке твоего горланного молодого голоса, моя Лолита».

Выздоровление состоялось. «Бездны расчетливой похоти» обратились в небеса нечеловеческой любви. Согласитесь: влюбленный педофил – уже не педофил, а курьезный экспонат кунсткамеры любви. Такой человек заслуживает если не прощения, то хотя бы сочувствия, и если у сочувствия есть оттенки, пусть оно будет прохладно вежливым. Осталось заслужить его, то есть, подкрепить поступком. И он его совершает. Он убивает похитителя – «...этого полудошевленного, получеловеческого шута, этого злодея, содомским способом насладившегося моей душенькой...». В свое оправдание Куильти заявляет, что не похитил Лолиту, а «спас ее от извращенного негодяя». Кто из них двоих больший негодяй, решать читателю. Сам же герой выносит себе следующий вердикт: «Если бы я предстал как подсудимый перед самим собой, я бы приговорил себя к тридцати пяти годам тюрьмы за растление и оправдал бы себя в остальном». Ирония, однако, в том, что приговорят его за убийство, а растлению кроме его слов подтверждения не найдется. Что ж, порок многолик. Невозможно представить, до какой низости может опуститься человек. Но не в его случае. В нем нет как сказал бы отец леди Чаттерлей «не ведающего раскаяния сластолюбия».

Таковы реперные точки эволюции героя, такова совокупность чувств, поступков и событий, погубивших по меньшей мере четверых участников этой повести. Перед нами история о том, как «законоуважающий трус» убивает в себе растлителя, а после убивает некоего Куильти – того самого соблазнителя Лолиты, что поставил растление малолетних на широкую ногу. И здесь следует вернуться в самый разгар повествования (гл. 25, часть II) – туда, где автор, словно спохватившись, заявляет: «Эта книга – о Лолите». Тем самым он как бы смещает центр

литературной тяжести с психически нездорового героя на истинную героиню повествования. Жертва он, а не Лолита. Гумберт Гумберт не оригинален, оригинальна Лолита. Она подобна новому виду бабочки, которую автор обнаружил и описал. Ее главное отличие от прочих – ускоренный жизненный цикл. И думается, не случайно она обитает на просторах Нового Света, который, к слову сказать, плоть от плоти Старого Света. Призрак Аннабелл Ли витает над этой раной и против воли повзрослевшей девочки. К сожалению, ранний опыт ничему ее не учит, и она от одного маньяка сбегает к другому, выбрав из двух зол большее. «Это она заставила меня перевезти ее в более веселое прибежище» - признается ее соблазнитель. Нет, он не негодяй, оправдывает она его, он «замечательный человек во многих смыслах», хотя и «совершенный монстр в половом отношении» говорит Лолита о человеке, жизнь которого на ранчо «состояла сплошь из пьянства и наркотиков» и который заставлял ее делать «странные, поганые, фантастические вещи. Дикие вещи, грязные вещи». А все потому что «он не был как я (Г.Г.) или она, а был гений». Не оттого ли автор обрекает Лолиту на раннюю смерть, что не желает ей того незавидного будущего, которое ее ждет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.